

Издательство
АСТ

Н. Г. ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ

ДЕТСТВО
ТЁМЫ

Издательство
АСТ

УДК 821.161.1-31-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Г20

Серийное оформление и дизайн обложки *А. Фереца*

Рисунок на обложке *В. Челака*

Гарин-Михайловский, Николай Георгиевич.

Г20 Детство Тёмы : Из семейной хроники / Н. Г. Гарин-Михайловский. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 288 с.

ISBN 978-5-17-102686-8 (Классика для школьников)

ISBN 978-5-17-102685-1 (Школьное чтение)

Маленький Тёма Карташёв, герой повести «Детство Тёмы», — беспечный, озорной, добрый мальчик. Тёма нечаянно ломает распутившийся в саду цветок отца, скачет верхом на лошади, убегает из дома, толкает сестру Зину, случайно рвёт платье гувернантке, разбивает маслёнку, без спроса берёт сахар для дворового мальчика Иоськи, спасает из глубокого колодца собаку Жучку.

Детские проказы и невольные проступки Тёмы по-разному оцениваются его строгим отцом-генералом и любящей матерью, а самому мальчику бывает очень непросто разобраться в случившемся.

УДК 821.161.1-31-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)1-44

АСТ

© ООО «Издательство АСТ»

I

НЕУДАЧНЫЙ ДЕНЬ

Маленький восьмилетний Тёма стоял над сломанным цветком и с ужасом вдумывался в безвыходность своего положения.

Всего несколько минут тому назад, как он, проснувшись, помолился Богу, напился чаю, причём съел с аппетитом два куска хлеба с маслом, — одним словом, добросовестным образом исполнивши все лежавшие на нём обязанности, вышел через террасу в сад в самом весёлом, беззаботном расположении духа. В саду так хорошо было!

Он шёл по аккуратно расчищенным дорожкам сада, вдыхая в себя свежесть

начинающегося летнего утра, и с наслаждением осматривался.

Вдруг... Его сердце от радости и наслаждения сильно забилося... Любимый папин цветок, над которым он столько возился, наконец расцвёл! Ещё вчера папа внимательно его осматривал и сказал, что раньше недели не будет цвести. И что это за роскошный, что это за прелестный цветок! Никогда никто, конечно, подобного не видал. Папа говорит, что когда герр Готлиб (главный садовник ботанического сада) увидит, то у него слюнки потекут. Но самое большое счастье во всём этом, конечно, то, что не кто другой, а именно он, Тёма, первый увидел, что цветок расцвёл. Он вбежит в столовую и крикнет во всё горло:

— Махровый расцвел!

Папа бросит чай и с чубуком в руках, в своём военном вицмундире сейчас же пройдёт в сад. Он, Тёма, будет бежать впереди и беспрестанно оглядываться: радуется ли папа?

Папа, наверное, сейчас же поедет к герру Готлибу — может, прикажет

запрячь Гнедка, которого только что привели из деревни. Еремей (кучер, он же и дворник), высокий, одноглазый, добродушный и ленивый хохол, — Еремей говорит, что Гнедко бегаёт так шибко, что ни одна лошадь в городе его не догонит. Еремей, конечно, знает это: он каждый день ездит на Гнедке верхом на водопой. И вот сегодня в первый раз запрягут Гнедка, Гнедко побежит скоро-скоро! Все погонятся за ним — куда! Гнедка и след простыл.

А вдруг папа и Тёму возьмёт с собой! Какое счастье! Восторг переполняет маленькое сердце Тёмы. От мысли, что всё это счастье произошло от этого чудного, так неожиданно распустившегося цветка, в Тёме просыпается нежное чувство к цветку.

— Ми-и-ленький! — говорит он, приседая на корточки, и тянется к нему губами.

Его поза самая неудобная и неустойчивая. Он теряет равновесие, протягивает руки и...

Всё погибло! Боже мой, но как же это случилось?! Может быть, можно

поправить? Ведь это случилось оттого, что он не удержался, упал. Если б он немножко вот сюда упёрся рукой, цветок остался бы целым. Ведь это одно мгновение, одна секунда... Пойдите!.. Но время не стоит. Тёма чувствует, что его точно кружит что-то, что-то точно вырывает у него то, что хотел бы он удержать, и уносит на своих крыльях — уносит совершившийся факт, оставляя Тёму одного с ужасным сознанием непоправимости этого совершившегося факта.

Какой резкой, острой чертой, какой страшной, неумолимой, беспощадной силой оторвало его вдруг сразу от всего!

Что из того, что так весело поют птички, что сквозь густую листву пробивается солнце, играя на мягкой земле весёлыми светлыми пятнышками, что беззаботная мошка ползёт по лепестку, — вот остановилась, надувается, выпускает свои крылышки и собирается лететь куда-то, навстречу нежному, ясному дню?

Что из того, что когда-нибудь будет опять сверкать такое же весёлое утро,

которое он не испортит, как сегодня? Тогда будет другой мальчик — счастливый, умный, довольный. Чтоб добраться до этого другого, надо пройти бездну, разделяющую его от этого другого, надо пережить что-то страшное, ужасное. О, что бы он дал, чтобы всё вдруг остановилось, чтобы всегда было это свежее, яркое утро, чтобы папа и мама всегда спали... Боже мой, отчего он такой несчастный? Отчего над ним тяготеет какой-то вечный немолчаливый рок? Отчего он всегда хочет так хорошо, а выходит всё так скверно и гадко?.. О, как сильно, как глубоко старается он заглянуть в себя, постигнуть причину этого. Он хочет её понять, он будет строг и беспристрастен к себе... Он действительно дурной мальчик. Он виноват, и он должен искупить свою вину. Он заслужил наказание, и пусть его накажут. Что же делать? И он знает причину, он нашёл её! Всеми виною его гадкие, скверные руки! Ведь он не хотел, руки сделали — и всегда руки. И он придёт к отцу и прямо скажет ему:

— Папа, зачем тебе сердиться даром? Я знаю теперь хорошо, кто виноват, — мои руки. Отруби мне их, и я всегда буду добрый, хороший мальчик. Потому что я люблю и тебя, и маму, и всех люблю, а руки мои делают так, что я как будто никого не люблю. Мне ни капли их не жалко!

Мальчику кажется, что его доводы так убедительны, так чистосердечны и ясны, что они должны подействовать.

Но цветок по-прежнему лежит на земле... Время идёт... Вот отец, встающий раньше матери, покажется, увидит, всё сразу поймёт, загадочно посмотрит на сына и, ни слова не говоря, возьмёт его за руку и поведёт... Поведёт, чтоб не разбудить мать, не через террасу, а через парадный ход, прямо в свой кабинет. Затворится большая дверь, и он останется с глазу на глаз с ним.

Ах, какой он страшный, какое нехорошее у него лицо!.. И зачем он молчит, не говорит ничего?! Зачем он растёгивает свой мундир?! Какой противный этот жёлтенький узенький ре-

мешок, который виднеется в складке синих штанов его! Тёма стоит и, точно очарованный, впился в этот ремешок. Зачем же он стоит? Он свободен, его никто не держит, он может убежать... Никуда он не убежит. Он будет мучительно-тоскливо ждать. Отец не спеша снимет этот гадкий ремешок, сложит вдвое, посмотрит на сына; лицо отца нальётся кровью, и почувствует, бесконечно сильно почувствует мальчик, что самый близкий ему человек может быть страшным и чужим, что к человеку, которого он должен и хотел бы только любить до обожания, он может питать и ненависть, и страх, и животный ужас, когда прикоснутся к его щекам мягкие, тёплые ляжки отца, в которых зажмётся голова мальчика.

Маленький Тёма, бледный, с широко раскрытыми глазами, стоял перед сломанным цветком, и все муки, весь ужас предстоящего возмездия ярко рисовались в его голове. Все его способности сосредоточились теперь на том, чтобы найти выход, — выход во что бы то ни стало.

Какой-то шорох послышался ему по направлению от террасы. Быстро, прежде чем что-нибудь сообразить, нога мальчика решительно ступает на грядку, он хватает цветок и втискивает его в землю рядом с корнем. Для чего? Смутная надежда обмануть? Протянуть время, пока проснётся мать, объяснить ей, как всё это случилось, и тем отвлечь предстоящую грозу? Ничего ясного не соображает Тёма; он опрометью, точно его преследуют все те ведьмы и волшебники, о которых рассказывает ему по вечерам няня, убегает от злополучного места, минуя страшную теперь для него террасу — террасу, где вдруг он может увидеть грозную фигуру отца, который, конечно, по одному его виду сейчас же поймёт, в чём дело.

Он бежит, и ноги бессознательно направляют его подальше от опасности. Он видит между деревьями большую площадку, посреди которой устроены качели и гимнастика и где возвышается высокий, выкрашенный зелёной краской столб для гигантских шагов, видит сестёр, бонну-немку. Он делает

вольт в сторону, незаметно, пригнувшись, торопливо пробирается в виноградник, огибает большой каменный сарай, выходящий в сад своими глухими стенами, перелезает ограду, отделяющую сад от двора, и, наконец, благополучно достигает кухни.

Здесь он только свободно вздыхает.

В закоптелой, обширной, но низкой кухне, устроенной в подвальном этаже, освещённой сверху маленькими окнами, всё спокойно, всё идёт своим чередом.

Повар в грязном белом фартуке, белокурый, ленивый, молодой, из бывших крепостных, Аким, лениво собирается разводить плиту. Ему не хочется приниматься за скучную ежедневную работу, он тянет, хлопает дверцами печки, заглядывает в духовой ящик, внимательно осматривает, точно в первый раз видит, конфорки, фыркает, брюзжит, двадцать раз их то сдвигает, то опять ставит на место...

На большом некрашеном столе в беспорядке валяются грязные тарелки. Горничная Таня, молодая девушка с длинной, ещё не чесанной косой, то-

ропливо обглаживает какую-то вчерашнюю холодную кость. Еремей в углу молча возится с концами упряжных ремней, бесконечно налаживая и пригоняя конец к концу, собираясь сшивать их приготовленными шилом и дратвой. Его жена, Настасья, толстая и грязная судомойка, громко и сердито перебивает тарелки, энергично хватая их со дна дымящейся тёплой лоханки. Вытертые тарелки с шумом летят на рядом стоящую скамью. Рукава Настасьи засучены; здоровое белое тело на руках трясётся при всяком её движении, губы плотно сжаты, глаза сосредоточены и мечут искры.

Ровесник Тёмы — произведение Настасьи и Еремея, — толстопузый рябой Иоська, сидит на кровати, болтает ногами и пристаёт к матери, чтобы та дала ему грошик.

— Не дам, не дам, сто чортив твоей мами! — кричит отчаянно Настасья и ещё плотнее стискивает свои губы, ещё энергичнее сверкает глазами.

— Г-е?! — тянет Иоська плаксивую монотонную ноту. — Дай грошик!

— Отчипысь, прокляте! Будь ты скажено! — кричит Настасья, точно её режут.

Тёма с завистью смотрит на эти простые, несложные отношения. Вот она, кажется, и кричит и бранится, а не боится её Иоська. Если мать и побить его захочет, — Иоська отлично знает, когда она этого захочет, — он, вырвавшись, убежит во двор. Если мать и бросится за ним и, не догнав, станет кричать своим громким голосом, так кричать, что живот её то и дело будет подпрыгивать кверху: «Ходи сюда, бисова дытына!», то «бисова дытына» понимает, что ходить не следует, потому что его побьют, а так как ему именно этого и не хочется, то он и не идёт, но и не скрывается, инстинктивно сознавая, что очень раздражать не следует. Стоит Иоська где-нибудь поодаль и хнычет лениво и притворно, а сам зорко следит за всяким движением матери; ноги у него расставлены, сам наклонился вперёд, вот-вот готов дать нового стрекача.

Мать постоит-постоит, ещё сто чертей посулит себе и уйдёт в кухню.